

Марр Николай Яковлевич

Абхазско-русский словарь

**Пособие к лекциям и в
исследовательской работе**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 81
ББК 81
Н63

Н63 **Николай Яковлевич М.**
Абхазско-русский словарь: Пособие к лекциям и в исследовательской работе
/ Мэрр Николай Яковлевич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 217 с.

ISBN 978-5-519-95538-6

Абхазский язык, Русский язык

ISBN 978-5-519-95538-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

довательского дела по местному языку. Достаточный кадр работников из абхазов был ознакомлен в Сухуме на двух длительных лекциях с яфетической транскрипцией, принятой — так было решено правомочными коллегиями на месте — как новый абхазский алфавит. Дополнительно было издано нами пособие: «Абхазский аналитический алфавит. К вопросу о реформах письма»¹. Не наше дело выяснять, почему столь практически-научно необходимое учреждение не получило своевременно оформления и широкой материальной базы. Наоборот, с удовольствием отмечаем, что, как мы осведомляемся только что, перед версткой настоящего предисловия, письмом Наркома Просвещения Абхазии А. М. Чочуа, положение об Академии абхазского языка и литературы уже утверждено 26 мая текущего года постановлением Совнаркома ССР Абхазии, «Академия делает свое большое культурное дело, столь необходимое в данный момент в Абхазии», о чем красноречиво свидетельствуют, между прочим, приложенные к письму копии протоколов двадцати ее заседаний, а с октября, когда она получит три штатные единицы, основательно предполагается, что в ней «работа закипит во всю». Наше же дело, оглянувшись на свои собственные недомогания, сосредоточить внимание на прорехах настоящей работы. А прорех этих уйма. Некоторые из них объяснимы лишь состоянием, переживавшимся нами в годы разрухи, когда один факт возможности печатания нам доставлял удовлетворение в такой мере, что о задерживании его в интересах привычной акрибии «лишней» сверкой цитат, «лишней» корректурой не приходилось и думать, хотя совершенно ясно видели мы ослабление чистоты работы в самом печатном производстве и необходимость менее доверчивого отношения к правильности воспроизведения рукописного текста, и все-таки мы сейчас понять не можем, как произошли такие досадные недосмотры, как случай, когда статья П. Чарая, помещенная в газете «Иверия», цитируется так, точно речь о книге Чарая.

¹ Издание Ленинградского Института Живых Восточных Языков. Ленинград 1926.

Есть, однако, недосмотр более существенного и прямо-таки органического порядка. Усиление у нас занятий «горскими» яфетическими языками Кавказа, а по более наглядному примыканию к ним — и интереса к абхазскому, и обращение уже давно в этом виде готового словаря в руках заинтересованных выявило уже здесь, в Ленинграде, недостатки и недосмотры, автору не бросившиеся в глаза по особым основаниям. Львиная доля в настоящем указании на них принадлежит ученику моему А. Н. Генко, методически ведущему дело постановки филологического изучения «горских» яфетических языков Кавказа по возможности в уровень с наличной филологической разработанностью древне-письменных языков Кавказа, вполне яфетического грузинского и переходного от яфетического к прометеидским («индоевропейским») армянского, — благо, что он не приступал с голыми руками к организации своих систематических занятий т. н. горскими языками Кавказа: берясь за них, он уже был посвящен — один из первых — в армяно-грузинскую филологию и ему известны отнюдь не исчерпанные здесь дальнейшие возможности их развития.

Очевидно, на месте в процессе проверки словаря в работах Академии абхазского языка и литературы прорехи вскрыются и другие. Однако, во-первых, к недочетам настоящего словаря надо отнестись с той осторожностью, которая требуется при учете его задач и условий уже не внешних, а внутренних, в которых исполнялась работа, при учете быстроты нарастания новых проблем и с ними смены одного понимания «природы», вернее строя абхазского языка как в целом, так в отдельных его особенностях, даже в отдельных словах другим пониманием; вместе с тем, да и независимо осторожность отношения к недочетам настоящего труда диктуется и опережавшей печатание быстротой нарастания потребности в перемене технических приемов записи, отчего и ряд неувязок, о чем особо. Однако, недосмотров было бы еще больше, и появление работы из печати затянулось бы еще дольше, если бы другой ученик мой, К. Д. Дондуа, не взял на себя всей тяжести технического выполнения работы:

по подготовке материала к печати и непосредственное наблюдение за корректурой.

Помогали мне словом или делом и те, которых не именуую здесь, но которых нельзя не знать по многократным ссылкам в словаре, и те, которые в этих ссылках не названы по имени и скрываются под сокращениями терминов, означающих то или иное абхазское наречие, тот или иной абхазский говор, то или иное селение Абхазии, представляющие также определенное наречие или говор. Что эти мои сотрудники все абхазы, это ясно. И вместо именованя каждого из них да позволено будет мне благодарить весь абхазский народ за всегдашнее благожелательное прямое отношение и готовность всячески помочь нам в нашей работе.

Совнаркому Абхазии и в частности ее Наркомату Просвещения приношу благодарность за готовность поддерживать наши усилия в направлении исследования абхазского языка предоставлением возможности печататься.

В последний момент, значительно отдалившийся от помеченной выше даты предполагавшегося выхода в свет, стало мне известно, что по настоящему абхазско-русскому словарю составляется русско-абхазский словарь. Это устранил коренным образом многие неудобства пользования настоящим опытом. Тем более приходится благодарить как молодых моих слушателей, абхазов В. Кукбая и А. Хашба, взявшихся за это дело, так и администрацию Ленинградского Института Живых Восточных Языков имени А. С. Енукидзе, обеспечившую возможность этого идущего к концу составлением русско-абхазского словаря, как труда питомцев Института, работающих в его яфетическом семинарии.

Н. Марр.

5 февраля 1927.

Москва.

ВВЕДЕНИЕ.

Когда упорство предвзятой мысли не знает пределов, да еще поддерживается отжившим научным построением как общепринятым и его авторитетами, точно круговой порукой стакнувшихся работников, можно подумать, что остается одно: сложить оружие. Но тогда нам никогда не удалось бы взорвать всю мишурность научной теории, проводящей какие-то формальные грани, будто непроходимые, между яфетическими языками Кавказа, в том числе и абхазским, и финскими, в результате чего научные искания обращаются, если не говорить о намеренной кружковщине, в долбление давно изношенных мест и в чистейшую формалистику. Не удалось бы вскрыть пустоту уже иных, не только националистических, утверждений, будто абхазский язык не правомочен выходить за круг исследовательских работ кавказоведа. Некоторым абхазский язык вне общего с грузинским корня кажется одним недоразумением. Мы уже не говорим о тех — увы, не пора еще перестать интересоваться ими, — которым абхазский представляется испорченным грузинским. Между тем без помощи яфетических переживаний в финских мы не могли бы установить даже того действительного родства, которое, как теперь легко видеть, чрезвычайно интимно сближает грузинский язык с абхазским, как более архаичным не только по общему строю и формальной типологии, но и по состоянию его материальных данных. Что же касается уже не происхождения в отвлеченно-теоретическом восприятии, а наличного состава абхазского языка, то ближайшие расположенные кавказ-

ские языки не дают всех тех средств для разъяснения абхазского, какие находим мы в речи приволжских финнов и, разумеется, также эллинов. В обоих случаях это наследия от яфетидов Приволжья у финнов и Эгейского мира у греков.

От переживаний в финской речи в числе прочего в этом отношении интерес представляет абхазский термин аһкаъ 'владетельница', 'княгиня', кстати сказать, б. Переводческим Комитетом церковной литературы некогда использованный в качестве эпитета богоматери — «владычица». В наличном виде аһкаъ — абхазское составное слово из аһ 'владельческий князь' и -каъ, ничего не означающего по-абхазски. Отвлеченно рассуждая, можно бы думать, что в -каъ мы имеем обозначение лишь женского пола, чтобы в сочетании с аһ 'князь', 'владыка' получить 'княгиню', 'владычицу' и т. п. Однако, такому простому пониманию в смысле 'женщины' или 'самки' -каъ не поддается. Слово явно составное из ка и ʒ, причем ка ($\leftarrow kwa$) представляет абхазскую форму (с разложением о в wa) архетипа -ко, а ʒ — абхазское восприятие ʒw, где w редукция u, так что первоначальный облик слова в целом — *ко-ʒи. И вот здесь подспевают далекие то по времени, то по пространству яфетические языки или их переживания. В значении 'царя' мы имеем в эламском новом, т. е. времени Ахеменидов — zunkukī, древнем — sunkik, sunki || sanki, но также sunku || sanku. Есть разновидности и в отношении k (то k, то q), отражающие обычное совершенно нормальное развитие этого звука в яфетических языках по формуле $k \rightarrow g \rightarrow q^1$, что, присущее вообще эламскому, эламоведу V. Scheil'я приводило в большое смущение². V. Scheil находил успокоение в том, что окончание в нашем термине не семитическое. Термин-то сам, однако, обходится и без него, а, главное, термин sunkik, казалось бы, скрещенный, причем в более полной в отношении второй части форме sun-ku, zun-ku + k вторая часть (то простая -ku, то пере-

¹ В транскрипции семитологов q (яф. k, resp. k) $\rightarrow g \rightarrow k$ (яф. q).

² Textes Élamites-Anzanites, т. III, стр. 5: «la confusion la plus complète, dans nos textes, règne dans l'emploi de k pour g et q et vice versa».

житочно скрещенная: -k в -kuk — пережиток того же -ku, resp. -k₁) значила также 'царь', звуча первично — *ku + ku, resp. ku-k₁, и в таком случае значение 'царя' на эламской почве было бы по происхождению культовое (← 'жрец' ← 'бог' ← 'небо' → 'великий'). Но не имеем ли в эл. zup-ku + k₁, resp. sun-ku || san-ku и т. п. не скрещение, а составное слово из zup ← sun || san 'брат', 'кровь' (ср. спир. *sun в арм. ar-iwn || ar-yun 'кровь', перс. qun id., сиб. *шш в ег. šn 'брат', копт. som 'брат', resp. сомне 'сестра' || сноч 'кровь' и др.) и ku + k₁, resp. ku + ku 'великий', 'большой', в целом 'большой брат', 'дядя', 'старший', 'царь'. Дело в том, что в числе яфетических переживаний приволжский финский язык, именно язык мариев или черемисов, нам сохранил в значении 'царя' kugi-jǎ (гн)¹ || kugi-ja (лг). Это также составное слово из kugi- (≈ kugu-) 'великий' (← *небо) и -ja, resp. za ← зау 'брат': 'великий брат' ← 'дядя' совершенно естественно развился в термин 'старшинства' или 'господства', т. е. 'князь', 'царь'. Термин по восприятию уже архаично-родового происхождения. Однако, из составных частей kugi-jǎ 'царь' а) вторая — ja ← ша, resp. ща означала «бесполо» и 'брата' и 'сестру', причем, когда появилась потребность в обозначении пола, для специального использования в определенном смысле или прибавляли требуемое слово — абх. уа-ща 'брат', уа + ħ-ща 'женщина брат' → 'сестра', или пользовались фонетическими разновидностями — -ďa 'брат' (в г. bi-ďa 'брат отца' → 'дядя'), г. da 'сестра'. То же самое имеем основание утверждать относительно ионского элемента zup (← sun), resp. *jun и, следовательно, последнюю часть абх. термина j (✓ ju) возводить к архетипу *jun, если не разбрасывать ее, как шипящую разновидность основы — ща 'брат + сестра' с губной огласовкой (ср. ✓ qu- в составе č. qu-ma¹¹ 'брат'); б) первая часть — kugi-, в архетипе ku-gu 'великий', у луговых мариев звучащий ko-go, представляет удвоение слова ko-, отсюда термин *ko-ju, у абхазов сохранивший, с раздвоением губных

¹ Сокращения: 1) при марийском языке гн = горный и лг = луговой, 2) мд = мордовский, язык с наречиями — мкш = мокша, эз = эзя.

гласных $o \rightarrow wa$ и $u \rightarrow w[ə]$, в виде $ka-ʃ$ не только простую форму прилагательного (без удвоения) $ka-$, но и архаически вполне закономерное значение существ. $ʃ$ 'сестра', отождествлять ли $ʃ$ с салским или ионским термином; в общем, следовательно, $ka-ʃ$ значило 'большую сестру' $\rightarrow$ 'тетку', 'старшую женщину', 'княгиню', 'владетельницу' и не нуждалось вовсе в придаче слова ah 'владетель', 'князь'. Не останавливаемся здесь на палеонтологически правильной встрече слов, означающих 'сестра' и 'женщина', не менее правильной, чем встреча слов 'мать' и 'женщина'. И при таком восприятии, одну вторую часть абхазского слова $-ka-ʃ$ самостоятельно можно истолковать опять-таки как 'княгиню'.

Впрочем, и ah также отнюдь не изолирует абхазов. Слово бесспорно составное из двух элементов a и h . По измошенности каждый из них, отвлеченно трактуя, легко толковать различно. От одного толкования, именно, признания в нем простого удвоения, приходится отказаться, в виду свойств самого абхазского. Это скрещение салского племенного слова с ионским, и, исходя из обычного в этой среде фонетического облика названных элементов, h пережиток ионского племенного слова, и «а», следовательно, салского, т. е. ближайший его прообраз $*ag-ha$, что сразу перед нами ставит вопрос об отождествлении его с известным греческим термином $\alpha\rho\chi-\acute{o}\varsigma$ 'вождь', 'глава', $\alpha\rho\chi\acute{\eta}$ 'начало'¹ и т. п. Совершенно не случайно давно отмеченная общность названия 'души' у греков ($\psi\upsilon-\chi\acute{\eta} \leftarrow \psi sw-\chi\bar{\theta}$), также скрещенного термина, с абхазским, в данном слове еще простым, $-ps\bar{a}$, с членом $a-ps\bar{a}$ ². В таком случае возникает вопрос о привлечении в обсуждение происхождения абх. $a-h \leftarrow *ag-\chi a$ и арм. $ar-qau$ 'царь', если у

¹ Палеонтология семантики 'начало' ($\sim$ 'конец') $\leftarrow$ 'голова' нас приводит к 'небу' (по семантическому пучку 'голова+гора+небо'), но это ни в какой мере не мешает отождествлению наших слов.

² Арм. $ho-ge/gi$ 'душа' не имеет никакого отношения к этой основе, как впоследствии выяснилось, берской, а не перестановке из салского элемента sw , но то же армянское слово — сал-ионское скрещение; и постольку для нас оно интересно и для настоящей контроверзы.

не пережиток г³: отстаиванию ионского элемента во второй части вынуждает то, что арм. *arqaу* 'царь', как уже разъяснялось, культового [до-исторического тотемного] происхождения, оно означало и 'жреца', и '*бога', и в сродных культовых же и социальных терминах преобладает сал-ионское скрещенне и у армян — *er+qan-i+k* 'блаженный', *er+an-i id.*, *ar+jan-i* 'достойный', *ar+gan-q* 'почет', *ar+g-el* 'почитать' и т. д.; арм. *ar+qun-i* 'дворец', букв. 'царя место', произведено, по всей видимости, не от *ar+qaу*, будь 2-я часть салской или ионской, а от *ar+qun*, т. е. с ионским элементом окающей формы.

К признанию пережитка ионского элемента в -h, второй части абхазского термина, нас склоняют и другие факты. С одной стороны, исходя из принадлежности абхазского (*a+bas+k*), баскского (*bas+k*) и армянского (по одному из двух национальных названий армян *haу+k ~ pas+k*) к пережиткам одной еще до-исторической или, вернее, прото-исторической общности и судя по племенному названию *haу*, которое армяне носили или еще носят, не можем не обратить внимания на то, что у басков ионское племенное слово в виде *uawn* / *qawn* значит 'господин', и оно связано с рядом баскских терминов тотемического происхождения (ср. у армян *haу* / *qau*, упомянутое их национальное племенное название), как то: *uap* (/ *qan*)-ko, *uip* (/ *qin*)-ko 'бог' и др. С другой стороны, салское племенное слово, давшее в разновидности сибилантной ветви культовое название в яфетических языках Кавказа (*tar-* → *tar-*, resp. *ṭar*, последнее у самих абхазов в составе названия бога *a-y+ṭar*), имеет широкое распространение в скрещении именно с ионским элементом и в роли культового термина и в роли социального, классового или сословного названия, у при-

³ Вопрос о связи средневекового культового термина *arqaun*, названия христиан, с этим армянским словом или греч. ἄρχων (Н. Марр, Аркаун, монгольское название христиан, в связи с вопросом об армянах халкедонитах, Виз. Врем., XII, особ. стр. 59 сл. отд. отт.) наших палеонтологических разысканий не затрагивает, но судьба монгольского термина *arqaun* едва ли может быть решена окончательно без разъяснения генезиса монгольского «археун», теперь уже в путях палеонтологии до-исторических языков, на основе яфетической теории.

волжских и роднящихся с ними народов как на востоке, так и на западе, в том числе у племен, близких к баскам, так, например, переднеаз. Таг-қон из теофорн. имен, этр. Tug-an 'богиня Афродита', чв. tur-хан 'дворяне', Тог-қ эпический герой Армении, чв. Тог-ә ↔ Tur-ә (✓ *tor-хон) 'бог', их финские, турецкие, монгольские эквиваленты, и т. д., и т. д. Наконец, в той же Армении, но уже ванских клинописей, следовательно, в до-прометеидской Армении, сал-лонское скрещение Qal-dī ← Qal-dīni есть тотемное божество народа халдов или, точнее, халдинов (имеется оно в разновидности Ar-dī'n¹ в названии города → Ar-dī, ср. чеч. yer-da'n¹ 'бог языч.') и вместе с рядом других еще культовых терминов яфетических народов Кавказа и относится сюда абхазский социальный термин классовый аһ 'князь', в прототипе *haг-хан, эквивалент общезв. сибилантного Заг-қан (ср. осм., джаг. «тархан» 'привилегиров. сословие').

Но вот пример для иллюстрации того, как грузинский сблизается с абхазским благодаря яфетическим переживаниям в приволжских языках. Еще Чарая отстаивал родство абхазского қа 'ночь' с грузинским ḡame 'ночь'¹. Обоснование этого отождествления на одном созвучии целого абхазского слова с начальной частью грузинского, естественно, являлось более чем шатким. С течением времени у абхазов открылся двойник по названию в пиренейских басках, в речи которых, совершенно утратившей заднеязычные аффрикаты, наличное слово со значением 'ночи' gaw («gaue») ← *gawe || *game поддерживало архаичность именно грузинского ḡame 'ночь'. Но вот установилась палеонтология, по которой как грузинское, так баскское двусложное слово требуется признать скрещением из двух усеченных племенных слов, долженствовавших каждое означать то же самое, именно салского ḡa- (→ ga-) → қа и берского -we || -me → v || m. Абхазский сохранил первый элемент от эпохи еще до скрещения в виде қа

¹ Случай попутно используется мною и в речи, произнесенной на годовичном собрании ГАИМК, Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры (Сообщения ГАИМК, I, 68).